

Научная статья
УДК 339.5(47:517.3)«18/19»
DOI 10.37724/RSU.2021.70.1.005

Роль городов в развитии русско-монгольской трансграничной торговли в последней четверти XIX — начале XX века

Алтаншагай Мунхтуул

Московский государственный педагогический университет,
Москва, Россия
a_munkhtuul2@mpgu.org

Аннотация. В статье раскрывается специфика становления торгово-экономических отношений Российской империи с Монголией в период активизации русской политики на Дальнем Востоке. Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью русско-монгольских отношений последней четверти XIX — начала XX века и отсутствием в отечественной науке необходимого опыта для объективной оценки характера двусторонних русско-монгольских торговых связей. На основе комплекса архивных, справочных и мемуарных источников автор выделяет основные приоритеты деловых контактов между западно-сибирскими городами Российской империи и административными центрами Монголии. Усиление общей деловой активности Российской империи в регионе, особенно после массового переселения сюда значительных трудовых резервов в начале XIX века, позволило существенно нарастить производственные мощности для экспорта в Монголию товаров широкого потребления. Рост городов, в свою очередь, сделал русский рынок привлекательным для сбыта основных товаров монгольского животноводства. Автор приходит к выводу, что именно это обстоятельство привело к формированию нового вектора монгольского экспорта: Россия, а не Китай становится главным потребителем мяса, шерсти, кож, мехов и пр. Укрепление связей способствовало превращению Бийска, Ирбита, Минусинска, Томска на территории России, а также Ховда на сопредельной территории в крупные торговые города, специализирующиеся именно на коммерческих операциях с Монголией. Появление в Улястае, и особенно в Ховде, крупных купеческих фирм из Бийска не только увеличило объемы и ассортимент экспортной продукции, но и привнесло в традиционный быт туземного населения элементы европейских общественных и трудовых отношений.

Ключевые слова: Алтайский край, внешняя торговля, Западная Сибирь, Китай, международные отношения, Монголия, Российская империя.

Для цитирования: Алтаншагай Мунхтуул. Роль городов в развитии русско-монгольской трансграничной торговли в последней четверти XIX — начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 47–57. DOI: [10.37724/RSU.2021.70.1.005](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.005).

Original article

The Role of Urban Settlements in the Development of Russian-Mongol Cross-Border Trade in the Last Quarter of the 19th — Early 20th Centuries

Munkhtuul Altanshagay

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
a_munkhtuul2@mpgu.org

Abstract. The article treats the development of trade and economic relations between the Russian Empire and Mongolia during the period of the pervasion of the Russian political influence in the Far East. The relevance of the research is accounted for by the fact that Russo-Mongol relationships in the last quarter of the 19th century and the early 20th century are underinvestigated and the bilateral Russo-Mongol trade relations cannot be properly assessed. The author analyzes archival materials, reference sources and memoirs to investigate major practices of business cooperation between west-Siberian urban settlements of the Russian Empire and administrative centers of Mongolia. The increase of Russian economic influence in the region, mainly associated with substantial labor migration in the early 19th century, enabled the Russian Empire to enhance production capacity and ensure the expansion of commodity

export to Mongolia. Due to the increasing number of Russian urban settlements, more and more Mongol livestock breeders were interested in getting into the Russian market. The author of the article maintains that the above-mentioned circumstance promoted a novel aspect of the Mongol export policy development: from then on Russia and not China was Mongolia's greatest consumer of meat, wool, leather, fur, etc. The enhancement of Russo-Mongol trade cooperation fostered the transformation of such urban settlements as Biysk, Irbit, Minusinsk, and Tomsk in Russia and Khovd in Mongolia into cities. The establishment of Biysk trading affiliates in Ulyastay and Khovd facilitated trade cooperation and introduced European social and commercial benefits into Mongolian life.

Keywords: Altay region, foreign trade, Western Siberia, China, international relations, Mongolia, Russian Empire.

For citation: Munkhtuul Altanshagay. The Role of Urban Settlements in the Development of Russian-Mongol Cross-Border Trade in the Last Quarter of the 19th — Early 20th Centuries. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2021, 1 (70):47–57. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.70.1.005.

Становление и развитие русско-монгольских коммерческих связей второй половины XIX — начала XX века в отечественной исторической науке продолжает оставаться одной из малоизученных тем, что объясняется в первую очередь статусом самой Монголии. Входя в состав Цинской империи юридически, а отчасти и фактически, Монголия была лишена права вести самостоятельные операции на внешних рынках, а потому отдельные начинания монгольской стороны по расширению трансграничных связей традиционно рассматривались в русле общекитайской торговой политики. Между тем именно активизация усилий России на этом поприще привела к формированию в недрах классической кочевой структуры новых форм общественных отношений, которые в дальнейшем привели к серьезным социальным и культурным сдвигам.

Основой развития торговых отношений Монголии и России второй половины XIX века являлись договоры, подписанные Петербургом с девятым Ваном Маньчжурской империи Айсинь Гьоро Ичжу. Тяньцзиньский договор 1858 года и Пекинский договор 1860 года не только открывали российской стороне возможность вести «цивилизованные» операции в приграничных городах Монголии (Кяхта, Урга, Ховд, Улястай), но и давали право Российской империи формировать консульские службы для защиты коммерческих интересов в регионе и установления непосредственных контактов с туземными рынками. Можно согласиться с мнением А. А. Сизовой, что Пекинское соглашение 1860 года, в результате которого Российская империя получила право создать в Монголии свое первое консульство [Сизова, 2015, с. 58], сделало жизнеспособными перспективы русско-монгольских торговых отношений. Конечно, российской стороной полученные преференции в первую очередь рассматривались как очередной шаг по расширению торговли с Китаем, однако появление консульского института значительно облегчило ведение дел на подконтрольной Пекину монгольской территории. В частности, российские купцы до заключения договора сталкивались в Урге с множеством трудностей в вопросах складирования товаров, организации жилья в период заключения торговых сделок, защиты от незаконных претензий и поборов со стороны чиновников китайской администрации и пр. Вместе с тем потребовалось почти 10 лет, прежде чем добытые политические права дали Российской империи реальный коммерческий эффект.

Для развития трансграничной торговли между регионами существовали объективные условия. Прежде всего следует отметить наличие на монгольской территории старинных транзитных путей — Шелкового и Чайного. Кроме того, на всех эксплуатируемых трактах существовали так называемые уртоны (место постоя) — государственные станции, которые покрывали территорию Монголии в ее старых границах. Поскольку находившийся в подданстве династии Цин монгольский народ населял обширные земли от Алтая на западе, включая земли до Великой Китайской стены, до Желтого моря на востоке, нет ничего удивительного, что монголы стали исполнять новую роль — основного связующего звена, непосредственно осуществляющего функции связи, почты и транспорта между Россией и Китаем. Втягивание монгол в межгосударственные русско-китайские коммерческие отношения неизбежно вело к активизации туземного населения и как участников торговых отношений — покупателей европейских товаров и поставщиков местного сырья, и как, выражаясь современным языком, организаторов транспортно-логистической службы. Именно эта новая роль монгол позволила восстановить давно заброшенные Пекином за ненадобностью государственные уртоны. В частности, на Алтайском тракте были восстановлены и вновь созданы 20 станций, в простонародье именуемых 20 халхасскими станциями, на маршруте

между Ховдом и Улястаем построено 14 станций, на участке Улястай — Джиндзлег 9 станций. Кроме того, 8 станций были переданы из управления Ховда в ведение пограничных постов Согога, 11 станций были открыты непосредственно в Кяхте и Их Хурээ и 14 станций перед Их Хурээ [Нацагдорж, 1963, с. 167].

В результате этих мероприятий сложилась сеть оживленных маршрутов из Китая в Российскую империю, доступных как коммерсантам, так и обычным путешественникам, среди них: Кяхта — Хурээ — Калган — Пекин; Улястай — Ховд — Цагаан Нуур — Кош-Агач — Онгудай — Бийск; Санбейс — Хух-Хото — Пекин. Уместно отметить при этом, что, поскольку маршруты входили в зону ответственности послов и официальных лиц, положительная динамика вряд ли была возможна без усилий дипломатической службы Министерства иностранных дел империи.

Налаживание бесперебойных контактов позитивно сказалось на состоянии городов Западной Сибири, которые стали превращаться в центры русско-монгольских коммерческих операций и центрами влияния на социальную и культурную жизнь монгол.

Одним из примеров роста деловой активности является город Бийск. Построенный в 1709 году по указу Петра I на западном берегу реки Бия [Дегтярев, 2017, с. 24], Бийский (Бикатунский) острог первоначально предназначался для защиты юго-восточной границы Российской империи от Джунгарского ханства. Свое военное значение город окончательно потерял к середине XIX века. Это был тихий, можно сказать захолустный, город, который получил второе дыхание как центр именно русско-монгольской торговли. Расположенный на старинном Чуйском тракте, Бийск становится одним из первых городов, способствовавших возрождению всего Алтайского края. Чуйский тракт являлся главным каналом монголо-русских отношений с XVIII века. Со времен Джунгарского ханства через Чуйский тракт в сибирские города продавалось большое количество кожи, шерсти, золота и серебра в обмен на механизмы, меха, сукно, одежду, оружие и канцелярские товары [Республика Алтай, 1995, с. 8].

Оживление коммерческих операций на приграничной с Монголией территории в конце 60-х годов XIX века в определенной степени повлияло на выбор российского правительства границ зоны, намеченной для переселения и освоения в соответствии с аграрной реформой П. А. Столыпина. Этот механический демографический прирост населения значительно усилил возможности производительных сил региона. Так, в период с 1897 по 1915 год население Алтайского края (без 5 уездов в Томской области) увеличилось вдвое с 1,3 млн до 2,7 млн человек. Самое высокое приращение населения наблюдалось в Барнаульской области [Скубневский, Старцев, Гончаров, 2001, с. 40]. Социальный состав переселенцев состоял как из крестьян и рабочих, так и предпринимателей. В результате в пореформенный период растет не только численность городского населения, но и идет закладка новых городов — административных и товарообменных центров. Так, количество городов увеличилось с четырех до семи. Появились города Новониколаевск (1903 г.), Славгород (1914 г.), Камень-на-Оби (1915 г.). С 1897 по 1916 год население городов увеличилось с 61,4 тыс. до 234,1 тыс. человек. По состоянию на 1916 год в Новониколаевске проживало 86,5 тыс., Барнауле — 71,3 тыс., Бийске — 32 тыс., Камень-на-Оби — 21,2 тыс., Славгороде — 11,5 тыс., Колывани — 8,5 тыс., Кузнецке — 3,3 тыс. человек [Скубневский, Старцев, Гончаров, 2001, с. 41].

Рост провинциальных городов, безусловно, не идет ни в какое сравнение с ростом крупных промышленных и административных центров Сибири. Для примера можно привести темпы урбанизации города Томска, развитие которого было связано с ростом золотодобычи еще в конце 1830-х годов. В частности, в 1840 году в городе проживало 11 700 человек, в 1856 году — 20 200 человек, в 1897 — 52 221 человек, а в 1911 году — 111 417 человек [ГАТО, л. 11].

Тем не менее именно через сеть провинциальных городов в последней четверти XIX века стало налаживаться регулярное сообщение с монгольскими степями. Так, Бийск через Чуйский тракт соединился с крупными торговыми центрами Западной Монголии — Ховдом и Улястаем. Уместно отметить при этом, что железнодорожная сеть, а также система грунтовых дорог в этой части России была несравненно хуже развита, чем в европейской части [Скубневский, Старцев, Гончаров, 2001, с. 39]. Поэтому Чуйский тракт и примыкающая к нему региональная транспортная сеть были по существу единственной артерией, соединяющей русские города с монгольскими землями. Из Ирбита и Бийска караваны и отряды проходили через пограничные Кош-Агач и Цагааннуур и дальше в города Ховд и Улястай в Западной Монголии, затем достигали Их Хурээ, Калгана и Пекина. На ремонт и восстановление труднопроходимых мест ушло немало лет, а окончательная модернизация тракта была завершена только в 1903 году, что объективно сдерживало рост товарообменных операций.

Вместе с тем рост потребительского спроса на рынках сибирских городов стимулировал увеличение объемов торговли. Первые крупные оптовые партии сырьевых и полусырьевых товаров стали появляться к концу 1860-х годов. Так, ежегодно из Западной Монголии через Кош-Агач в Бийск поставляли до 4–6,5 тыс. голов крупного рогатого скота и десятки тысяч голов мелкого рогатого скота. Оттуда крупный скот отправляли в Петропавловск, а овец — в Новониколаевск и другие города западной части области. Как сообщала местная газета «Сибирская жизнь», в городе Томске оставалась небольшая часть, не более 500 голов скота, а остальное переправлялось на бойни, где мясо замораживали, и отправляли в европейскую часть России. Эти сведения подтверждают и статистические данные, приведенные на страницах газеты «Бийская новость» от 19 января 1869 года, где указывалось, что на местный рынок поступило 4000 толгой (монг. голов) крупного рогатого скота [ГАТО, л. 11]. Таким образом, закупка большого количества монгольского скота, который был дешевле, чем местный сибирский, в первую очередь удовлетворяла потребности в мясе и мясных товарах население городов и фабрик, быстро растущее население шахт и железных дорог, а также растущее число военных и служащих в Предбайкалье и Иркутской области [Даревская, 2011, с. 29]. В результате в приграничном крае были построены заводы по переработке сырья: кожевенные, водочные, деревообрабатывающие, табачные, льняные, холодильные, кирпичные, а также открыты цеха металлообработки для местных нужд. В конце XIX — начале XX века, помимо местных лавок ростовщиков, в городах появились отделения Сибирского коммерческого банка, Русско-Азиатского банка и Петроградского международного коммерческого банка. На фоне общей урбанизации Сибири Бийск заметно выделялся именно как торгово-обменный центр. К началу XX века в городах Западной Сибири было зарегистрировано более 1100 купцов, в том числе: в Туринске — 23, Ялуторовске — 48, Кургане — 45, Ишиме — 6, Таре — 104, Березове — 30, Сургуте — 1, Нарыме — 54, Томске — 146, Омске — 9, Колывани — 45, Бийске — 125 [Бойко, 2009, с. 21]. Уступая по численности населения почти в 3 раза Томску, Бийск имел почти равное количество коммерсантов. Не случайно, но именно в Бийске стали фиксировать коммерческие дома, которые в основном проводили операции с сопредельной территорией. В 1878 году здесь были зарегистрированы три фирмы — В. А. Гилева, И. Котельникова и Баскова, а в 1896 году — уже шесть — Г. Бодунова, А. Васенева, Р. Кузнецова, А. Мальцева, Ф. Поликарпова и Н. Асса-нова. Весьма примечательно, что из шести владельцев торговых фирм трое были моложе 40 лет (А. Васенев, Р. Кузнецов и Н. Ассанов) [Там же, с. 286]. Можно предположить, что возникновение этих фирм обусловлено оживлением русско-монгольской торговли. Не последнее место в возвышении Бийска сыграл и тот факт, что с середины XIX до начала XX века город был центром алтайской религиозной миссии.

Другим городом Сибири, игравшим заметную роль в торговых оборотах с Монголией, был Ирбит. Ирбитская ярмарка была широко известна еще с XVII века. Здесь сбывались азиатские (китайские, бузарские) и сибирские товары. По поводу возникновения названия «Ирбит» до сих пор нет единого мнения. Часть исследователей считают, что оно произошло от названия реки. Другие, как, например, профессор А. К. Матвеев, трактуют это имя как общетюркское по внешнему виду и его корни следует искать в татарском языке. По словам А. К. Матвеева, «ир» означает «мужчина», «герой», а на диалекте может означать «земля», «родина», а «бий» на башкирском означает «вождь племени» [Матвеев, 1987, с. 122]. В связи с повышением интереса российского государства к сырьевым и торговым возможностям Сибири, в 1821 году стихийное торжище в Ирбите было благоустроено. Городская ярмарка была организована согласно утвержденному генеральному плану, заново отстроены в едином стиле все торговые павильоны. В 1864 году появился пассаж. Однако это не изменило ярмарочной сути города. Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Приваловские миллионы» (1883) отмечал: «...на площади и по улицам от возов с товарами, купеческих фур и мелких лавчонок не было свободного местечка» [Мамин-Сибиряк, 2019, с. 86]. Ирбитская ярмарка в XIX веке стала второй в Российской империи после Нижегородской (Макарьевской) по объему денежного и товарного оборота [Лаппо, 2012, с. 35]. Позже в связи с открытием Транссибирской магистрали Ирбит потерял свое торговое значение, хотя ярмарка просуществовала вплоть до 1929 года.

Примечателен в данной связи факт, что крупными коммерсантами на Ирбитской ярмарке выступали как раз жители Бийска. В частности, авторитетными представителями торгового сообщества ярмарки были И. П. Котельников (1834–1894) и А. Д. Васенев (1856–1917). Судьба Ивана Петровича Котельникова весьма показательна. Ранние годы он провел в родном селе Онгудай, расположенном на одном из торговых маршрутов в Монголию. В 1850–1860-х годах Котельников развернул торговлю по Чуйскому тракту Горного Алтая, а к 1866 году перевел свою

торговую деятельность в Западную Монголию, в город Ховд. К середине 1880-х годов товарооборот И. П. Котельникова достиг 150 тыс. рублей. Именно благодаря усилиям таких купцов была развернута не только двусторонняя торговля российскими и монгольскими товарами, но и посредническая торговля иностранными товарами, проникавшими в Монголию через Ирбит и Бийск. Одной из крупнейших статей номенклатуры сырьевых товаров, экспортируемых из Монголии в Россию, была шкура сурка. Цена на эти шкуры варьировалась от места лова, места сбыта и даже от национальной принадлежности покупателей. Наиболее дорогими были шкуры алтайского черного сурка, отличавшиеся густым и качественным мехом. Монголы привозили шкурки местных сурков-тарбаганов. На Ирбитской ярмарке представители торговых компаний из Великобритании и Германии скупали эти шкурки, красили их на своих фабриках, придавая им нужные оттенки, и перепродавали на основных рынках Европы и США. Другой востребованной статьей монгольского сбыта была верблюжья шерсть, которую иностранные покупатели использовали как сырье для изготовления гибких приводов в различных механизмах и даже в двигателях автомобилей. Шкуры овец отправляли на шерстяные и прядильные фабрики [Кадиков, 1999]. Помимо вышеназванных товаров, на российских рынках находили спрос экспортируемые из Монголии лошади, верблюды, крупный рогатый скот, мелкий домашний скот и продукты животноводства, включая мясо, молоко, шкуры, шерсть, небольшие партии соли, солончака и угля. Кроме того, отечественные коммерсанты охотно использовали предоставляемые монголами транспортные услуги.

В обратном направлении шли промышленные товары широкого потребления. Среди них сибирский чугун, кастрюли, медные и эмалированные чайники, ведра, чашки, тарелки, топоры, ножи, ножницы, иглы, наперстки, пуговицы, инструменты, пружины, различные ткани, алкоголь, табак. Весьма любопытной в реестре экспорта в Монголию выглядят статья — статуи богов.

После подписания в 1881 году российско-китайского договора русские купцы получили право торговать во Внутреннем Китае. И. П. Котельников попытался организовать торговлю в городах провинции Ганьсу, но по объективным причинам, а именно из-за отсутствия торгово-складских баз на основных маршрутах, это была довольно авантюрная идея, которую реализовать на практике было невозможно. Наиболее перспективными для продвижения в глубь китайской территории и соответственно для большего охвата территории Монголии были два пункта — Ховд и Улястай. С точки зрения потребительской возможности эти города выглядели незначительными в сравнении с крупными административными центрами Китая. Однако стратегическое положение городов и устойчивые торговые связи позволяли организовать экспортно-импортные операции практически по всем направлениям: восточному (Пекин, Шанхай, Хух-Хото, Калган), южному (Урумчи, Цондж, Бархол в Синцзяне), северо-восточному — Ирбит, Бийск, Томск, Барнаул, Минусинск. Кроме того, у Ховда и Улястай никогда не прекращалась торговая связь со столицей — Ургой, и местными поселениями. Именно поэтому жители Ховда и Улястай были знакомы как с русской, так и с английской и американской продукцией, поступающей сюда из Пекина, Шанхая, Ирбита и Бийска.

Небольшой городок Улястай, построенный в 1733 году, был невелик. К концу 1870-х годов здесь проживало всего около 1000 человек. Однако он имел торговые связи с Гуй-хуа-ченем, Калганом и Ургой. Кроме того, здесь постоянно проживали китайские ремесленники, изготавливавшие нехитрую утварь для монгольских стойбищ, а также находился особый монгольский квартал (джурган), где останавливались провинциальные торговцы-кочевники. Весь город был разделен на четыре джургана: внутренний, военный, фондовый (складской) и монгольский. Первые представители русского купеческого класса появились в Улястае в конце 60-х годов XIX века. Это были предприниматели из Бийска, сбывавшие металл местным ремесленникам и готовые металлические треноги странствующим монгольским купцам из провинции [Певцов, 2017, с. 173]. Расширить номенклатуру товаров и увеличить объемы товарооборота оказалось крайне сложно, прежде всего по причине высокой конкуренции со стороны китайских компаний, одной из самых влиятельных среди которых была Да Шин Куи. Она имела головной офис в Хух-Хото и специализировалась на товарных операциях во Внешней Монголии, 75 % ее оборотов приходилось как раз на эти территории [Базардорж, 2015, с. 38]. Филиалы этой фирмы (скорее семейные предприятия) в Улястае стали открываться еще в начале XIX века, среди них: Ульзиит (1803), Хувит (1806), Цогт (1809), Баянсан (1814), Буксиры (1819) и др. До начала 1860-х годов здесь действовало в общей сложности 8 торговых домов. После появления первых русских купеческих домов, в Улястае открылось еще 18 филиалов: Номгон (1864), Буянт (1870), Туменбаяр (1872), Буянделгер (1873) и др. [Там же, с. 41].

Обосновавшиеся в Улястае китайские компании по совокупным капиталам значительно превосходили русские торговые дома. В частности, стоимость имущества и основных оборотных средств у Да Шин Куй оценивалась в 30 млн золотых рублей, у Тиан Йи Де — в 3 млн золотых рублей, у Юань Шен Де — в 1 млн золотых рублей, у Се Су Чан — в 500 тыс. золотых рублей [Майский, 2015, с. 160]. Для удобства ведения дел китайские коммерсанты в монгольских степях отстроили целый квартал Улиастай Маймаачин со всеми необходимыми для ведения дел атрибутами (склады, конторы, финансовые учреждения и пр.).

Бийские купцы также попытались солидно организовать торговое дело. Был построен большой гостиный двор, где открыты торговые лавки. Однако к 1879 году таких лавок насчитывалось всего 9 и русским купцам приходилось вести торговлю не столько на месте, сколько с приезжающими в Улястай уездными торговцами [Певцов, 2017, с. 173]. Конечно, в таких условиях говорить о расширении экспортно-импортных операций и перспективах увеличения объемов торговли не приходилось. Несколько иная ситуация сложилась в организации русского торгового центра в Ховде. С одной стороны, Ховд сам по себе был крупным рынком, политическим и религиозным центром многоплеменной западной части Монголии. Помимо обязательного для китайских городов административного и торгового квартала, здесь был буддийский монастырь «Тугээмэл амаржуулагч хийд», занимавший третью часть города. Кроме того, к городу относились крестьянские угодья, находившиеся в радиусе 30 км (52 тыс. газаров, 1 газар (монг.) = 576 м) от города и снабжавшие город своими продуктами и товарами [Гонгор, 2006, с. 29]. С другой стороны, Ховд со второй половины XVIII века стал центром ярмарочной торговли, куда со всей округи стекались скот и продукты животноводства, где китайское купечество поддерживало связи с соседними провинциями и крупными городами Китая, включая Пекин. Организаторами такой ярмарки, которая традиционно проходила за пределами торгового квартала Маймаачин, были китайские купцы — выходцы из провинции Шанси. Ярмарка начиналась ранним утром, скупался пригнанный монголами скот, сельскохозяйственные продукты, шерсть, а к вечеру торговля прекращалась. Со временем это стихийное торжище превратилось в постоянную ярмарку, что было обусловлено неудобством ежедневно перегонять стада животных. В XIX веке место торга преобразилось за счет магазинов, жилых помещений, лавок и складов, а также стационарных юрт и загонов для скота [Там же, с. 33].

Прямым следствием изменения статуса ярмарки стало расширение связей Ховда. Если первоначально торговля осуществлялась на территории города и приписанных к нему земель, то в XIX веке прочные связи устанавливаются со всеми западными этническими группами и частью восточных племен (Халхын Засагт Хан, некоторые аймаки Саин Нойон Хан). По некоторым оценкам, во второй половине XIX века торговые связи Ховда распространялись на аймаки Ховд и Баян-Улгий, северо-западную часть Китая (Синьцзян), юго-западную часть современной Республики Алтай в России [Грум-Гржимайло, 1926, с. 688]. Именно эта сеть способствовала укреплению связей с российской стороной. Розничные и мелкооптовые торговцы из Бийска и Минусинска свободно добирались до Ховда, а крупные оптовики смогли наладить прямые поставки с Ирбитской и Нижегородской ярмарок. Так, с Макарьевской ярмарки на рынок Ховда поступали большие партии хлопка [Гонгор, 2006, с. 84].

Конечно, в Ховде, как и в Улястае, торговое первенство первоначально принадлежало китайскому купечеству. В 1877–1878 годах здесь было 9 крупных китайских торговых фирм. Среди них уже известная Да Шин Куй, а также Тиан Йи Де, Юань Шен Де, Цагаандай, Гуань Су Лунь, Шун Чай, Ай Сон Нью, Ай Гун и Тунг Шань [Позднеев, 1880, с. 33]. Однако современники утверждали, что ховдинские филиалы значительно уступали улястайским как по времени основания (меньшие традиции и авторитет), так и по размаху торговли, уровню капитала и богатству [Базардорж, 1880, с. 41]. Кроме того, из 50 небольших магазинов только 10 фирм, таких как Си-хуту, занимались закупкой овец и лошадей и перевозили купленный скот на свои пастбища в Китае. Все прочие занимались мелочной торговлей: мукой, фармацевтическими препаратами, изделиями ручной работы [Радлов, 1871, с. 358]. Однако основная статья монгольского экспорта — скот и продукция скотоводства — оказалась не монополизирована китайским купечеством. Именно это обстоятельство стало ключевым, позволившим русскому купечеству не только проникнуть, но и закрепиться на здешнем рынке. Поэтому к 1910 году в Ховде успешно действовало 10 крупных русских торговых компаний, основанными преимущественно уроженцами Бийска. Самой влиятельной из них была фирма Асанова с годовым оборотом около 500 тыс. рублей. Компания имела 4 крупных филиала в хошунах Ман Гун и Жалцан бейса аймака Засагт Хан, Улястайском и Ховдском районах. Каждая сделка с монгольскими скотоводами оценивалась от 20 до 60 тыс. рублей [Гонгор, 2006, с. 80].

Оптовый спрос на продукцию скотоводства привел к заметному увеличению поголовья скота в непосредственной близости к Ховду — местностях Шарбулаг и Буянт гол. Член Русского императорского географического общества В. В. Радлов во время своей экспедиции по Монголии отмечал, что летом монголы сбывали оптом свои стада до 900 лошадей и до 15 000 овец на одно стадо. Известия о стабильном спросе на скотоводческую продукцию быстро распространились и за пределы Ховдинского округа. Тот же В. В. Радлов приводил пример одного хошуна из китайского города Куйгачин, который начал выпасать более 200 000 овец, уверенный в гарантированном сбыте, и как писал русский путешественник: «в чем я абсолютно не сомневаюсь» [Радлов, 1871, с. 359].

Еще одной успешной инициативой русского купечества стала торговля оленьими рогами, вытяжки из которых широко применялись в традиционной китайской медицине. Считалось, что они способствуют увеличению сексуальной активности мужчин. Поэтому не только сам экстракт, но и молодые рога, так называемые мягкой крови (панты), стоили очень дорого. В торговых пунктах, таких как в Кош-Агач, Ховд и Улястай, китайские перекупщики платили за них по 9–12 рублей за фунт и отправляли во внутренние провинции Китая, где этот товар пользовался спросом и стоил значительно дороже [Констен, 2018, с. 36]. Каждый ноябрь в городе Гуй Хуа Чэн, куда съезжались покупатели со всего Китая, проходила торговля оленьими рогами. Аналогичные торги устраивали в Гуйчжоу и Кантоне. Обычно добываемые рога из Кяхты, Улястая, Ховда и Джунгарии привозили китайские купцы, однако к началу XX века эту прибыльную статью стали контролировать русские [Из истории ... , 2014, с. 114]. Объяснение этому достаточно простое. До появления русских предпринимателей добыча оленьих рогов была делом охотников-одиночек. Оленьи рога изначально использовались исключительно для охоты. И если ранее на диких оленей охотились только ради мяса и шкуры, то теперь на Алтае, в бассейне реки Катунь в Монголии, начали разводить домашних оленей для удовлетворения спроса из Китая. Считается, что одомашненные олени впервые были выведены в селе Уймон [Там же, с. 99]. Центром такого невероятного источника дохода стало село Шебалино и ряд соседних деревень [Констен, 2018, с. 36]. Этот новый спрос, кстати, способствовал повышению цены и на самих оленей. Н. М. Ядринцев, совершивший путешествие по Алтаю в 1878 году, отмечал, что теперь на Алтае взрослые олени стали стоить 30–50 рублей, а самки оленей — 25–30 рублей [Из истории ... , 2014, с. 102].

Общий рост товарообменных операций через Ховд вызвал заинтересованность со стороны китайского амбана¹, который увидел в этом источник для получения дополнительного фискального дохода. У амбана Ховда было весьма большое хозяйство, требующее средств для содержания: угольное отделение, больничное отделение (включая специальную службу бальзамировщиков), топливное отделение и др., а также специальная транспортная служба (Бураа — бригада сумона Эрдэнэбурэн аймака Ховд), которая с помощью верблюдов обслуживала все эти структуры [Угсаатны ... , 2014, с. 314]. Поскольку таможенные пошлины взимались по весу товара, то местный амбань был кровно заинтересован в увеличении товаропотока. Поэтому в конце XIX века 204 двора из Халхи и 80 дворов из Захчина были мобилизованы для обслуживания 23 торговых станций (уртоны), находящихся в подчинении Ховдского правителя. Тем самым был ускорен провоз товаров через Ховд в Гучен, Иль, Их Хурээ, Хух-Хото и Пекин [Гонгор, 2006, с. 57]. Помимо этого, для решения продовольственного вопроса, ставшего довольно острым с увеличением транзитных и прибывающих по делам в Ховд коммерсантов, были мобилизованы местные крестьяне. Так, 400 домохозяйств из трех аймаков Халха были дополнительно привлечены для посадки продовольственных культур, из них 200 — из аймака Тушит Хан, 128 — из аймака Сайн Нойон Хан и 72 — из аймака Засагт Хан [Нацагдорж, 1963, с. 166]. Традиционно в обязанности простых людей входил также выпас императорских стад и выращивание продовольственных культур для китайского гарнизона города.

С ростом российской торговли на реке Буянт недалеко от города были построены шерстяные прачечные, в которых работали местные олетье и мингаты из земледельцев. К концу столетия в самом городе появились фабрики по обработке дерева, железа, серебра, кожи и овчины. Несмотря на дефицит металла, здесь производились для внутренних нужд мотыги, лопаты, подковы, замки и серебряные украшения [Гонгор, 2006, с. 84].

Появление рабочих мест привело к увеличению рабочих и ремесленников из Китая: мастеровых по изготовлению печей и дымоходов, мелкой домашней утвари и пр. Часть необходимого материала доставлялась из Китая, часть — из России. К 1918 году город Ховд, включая округу, превратился в крупный торговый центр. Если в 1878 году, согласно статистическим подсчетам М. В.

¹ Амбань — титул высших китайских чиновников на маньчжурском языке, хорошо известный и у нас в Сибири. (См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL : www.runivers.ru (дата обращения: 12.01.2021))

Певцова, в Ховде насчитывалось всего 1 тыс. человек, из которых 500 принадлежало местному военному гарнизону, то в 1918 году здесь проживало 50 тыс. человек (дэрбэтов 24 тыс., баядов 15 тыс., захчинов 5 тыс., олетов 3 тыс., мянгадов 2 тыс., хотонов 1 тыс.) [ГАТО, л. 11]. Для содержания печного хозяйства потребовалось значительное количество топлива. Монголы из числа беднейших семей занялись знакомым делом — сбором навоза и реализацией его в городе. Превращение Ховда в значительный окружной город привело к появлению в бассейнах рек Ховд и Буянт русских переселенцев, которые занялись животноводством. По словам И. М. Майского, в период с 1910 по 1920 год в Ховде было около 300 «русских кочевников» [Майский, 2015, с. 81].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что укрепление торговых связей между западносибирскими городами и монгольскими административными центрами заложило основу для устойчивых отношений между государствами. Участие коммерсантов из Алтайского края, Омска, Томска не только активизировало здесь деловую жизнь, но и привнесло в местный монгольский быт и культуру мало знакомые ранее элементы. И речь идет не только о потребительских товарах: чай, табак, текстиль, мука и рис, алкоголь, ткани, мелочный товар, хлопок, юфть. (Последняя, как и российские изделия из железа, наряду с китайскими хлопчатобумажными тканями (далимба), пользовалась особой популярностью в Ховде) [Гонгор, 2006, с. 84]. В монгольское общество стали проникать новые паттерны экономических и общественных отношений. Справедливости ради, следует отметить, что наметившиеся изменения произошли, в том числе, и благодаря усилиям Пекина, не желавшего «без боя» сдавать монгольский рынок. Результатом иностранного вмешательства (русского и китайского) стало постепенное разрушение традиционного кочевого уклада монгольских племен, втягивание их в орбиту денежных отношений с крупными европейскими государствами, что неизбежно вело к формированию новой ментальности и появлению новых ценностных ориентиров в монгольском обществе.

Список источников

1. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII — XIX в. // Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. — Томск : Томск. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2009. — 307 с.
2. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край : в 4 т. — Т. 2. — Л. : Изд. Учен. комитета МНР, 1926. — 906 с.
3. Дегтярев Д. С. Город Бийск глазами ученых и путешественников XIX — начала XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2017. — № 1. — С. 24–28.
4. Из истории исследования и развития мараловодства на Алтае. XVII — начало XX в. / отв. ред. А. В. Старцева. — Барнаул : Алтай. гос. ун-т, 2014. — 222 с.
5. Кадиков Б. Х. Н. И. Ассанов — купец, меценат, просветитель // Краеведческий вестник. — 1999. — № 9. — URL : <http://www.museum.biysk.ru/ru/persons/niassanov-kupec-mecenat-prosvetitel/> (дата обращения: 15.10.2020).
6. Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. — М. : Новый хронограф, 2012. — 504 с.
7. Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловский миллионы. — М. : Вече. 2019. — 102 с.
8. Матвеев А. К. Географические названия Урала : краткий топоним. слов. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. — 208 с.
9. Певцов М. В. Алтай. Монголия. Китай. Тибет — М. : Эксмо, 2017. — 448 с.
10. Позднеев А. М. Города Северной Монголии. Извлечение из дневника путешествия в 1877–1878 гг. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1880. — 115 с.
11. Радлов В. В. Торговля сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки Императорского русского географического общества. — Т. 2. — СПб., 1871. — С. 341–382.
12. Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). — М. : Наука : Вос-точная литература, 2015. — 294 с.
13. Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Купечество Алтая. — Барнаул : Алтай. гос. ун-т, 2001. — 240 с.
14. Базардорж Д. Ар Монгол дахь «Да Шэн Күй» пүүс — Улаанбаатар : Бит пресс, 2015. — 190 с.
15. Гонгор Д. Ховдын хураангуй түүх (Краткая история Ховда). — Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2006. — 197 с.
16. Даревская Е. М. Сибирь ба Монгол / пер. Д. Бадамням. — Улаанбаатар : Мунхийн усэг, 2011. — 346 с.
17. Констан Х. Цөвүүн цагийн эрчлээс дундах Монгол орноор (Монголия посреди неспокойных времен) / пер. Б. Баярсайхан. — Улаанбаатар : Мунхийн усэг, 2018. — 418 с.
18. Майский И. М. Хувьсгалын өмнөх Монгол орон (Монголия накануне революции) / пер. Ч. Баатар. — Улаанбаатар, 2015. — 293 с.
19. Монгол Улсын Архивын Ерөнхий газар (ГАТО). — Ф. 3. — Оп. 11. — Д. 1127.

20. Нацагдорж Ш. Краткая история Халхи во времена маньчжурского правления (1691–1911). — Улаанбаатар : Изд. компания им. Сухэбатора, 1963. — 284 с.
21. Республика Алтай. 1992 г. Ак-Чечек // Орос дахь Монгол судлал / отв. ред. Л. Жамсран. — Улаанбаатар : Изд. компания им. Сухэбатора, 1995. — 142 с.
22. Угсаатны зүйн судалгааны эх хэрэглэгдэхуун (Оригинальные материалы монгольских этнографических полевых исследований). — Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2011. — Т. 9. — 345 с.

References

1. Bojko V. P. Merchants of Western Siberia in the late 18th–19th Centuries. *Ocherki social'noj, otraslevoj i mental'noj istorii* [Essays on Social, Industrial and Mental History]. Tomsk, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2009, 307 p. (In Russian).
2. Grumm-Grzhimajlo G. E. *Zapadnaja Mongolija i Urjanhajskij kraj : v 4 tomah* [Western Mongolia and the Uryankhai Region: in 4 vols.]. Leningrad, Reserach Committee of the Mongolians People's Republic Publ., 1926, 906 p. (In Russian).
3. Degtjarev D. S. The City of Biysk as Viewed by Scientists and Travelors in the 19th — Early 20th Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State Univeristy]. 2017, no. 1, pp. 24–28. (In Russian).
4. Starceva A. V. (ed.). *Iz istorii issledovanija i razvitija maralovodstva na Altae. XVII — nachalo XX vekov* [From the History of Research and Development of Maral Breeding in Altai. The 17th — Early 20th Centuries]. Barnaul, Altai State University Publ., 2014, 222 p. (In Russian).
5. Kadikov B. H. N. I. Asanov: Merchant, Philanthropist, Social Educator. *Kraevedcheskij vestnik* [Local History Bulletin]. 1999, no. 9. Mode of access : <http://www.museum.biysk.ru/ru/persons/niassanov-kupec-mecenat-prosvetitel/> (accessed 15.10.2020). (In Russian).
6. Lappo G. M. *Goroda Rossii. Vzglyad geografa* [The Cities of Russia. A Geographer's View]. Moscow, New Chronographer Publ., 2012, 504 p. (In Russian).
7. Mamin-Sibirjak D. N. *Privalovskie milliony* [Privalov's Millions]. Moscow, Veche Publ., 2019, 102 p. (In Russian).
8. Matveev A. K. *Geograficheskie nazvanija Urala : kratkij toponimicheskij slovar'* [Ural Geographical Names: a Short Dictionary of Geographical Names]. Sverdlovsk, Middle Ural Publ., 1987, 208 p. (In Russian).
9. Pevcov M. V. *Altaj. Mongolija. Kitaj. Tibet* [Altai. Mongolia. China. Tibet]. Moscow, Eksmo Publ., 2017, 448 p. (In Russian).
10. Pozdneev A. M. *Goroda Severnoj Mongolii. Izvlechenie iz dnevnika puteshestvija v 1877–1878 godov* [The Urban Settlements of Northern Mongolia. From a Traveller's Journal in 1877–1878]. St. Petersburg, V. S. Balashev Publ., 1880, 115 p. (In Russian).
11. Radlov V. V. Economic Relationships between Russia and Western Mongolia and their Future. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1871, vol. 2, pp. 341–382. (In Russian).
12. Sizova A. A. *Konsul'skaja sluzhba Rossii v Mongolii (1861–1917)* [Russian Consular Service in Mongolia (1861–1917)]. Moscow, Science Publ., Eastern Literature Publ., 2015, 294 p. (In Russian).
13. Skubnevskij V. A., Starcev A. V., Goncharov Ju. M. *Kupechestvo Altaja* [Altai Merchants]. Barnaul, Altai State University Publ., 2001, 240 p. (In Russian).
14. Bazardorzh D. Ar Mongol dah' "Da Shjen Kyj" пүүс. Ulaanbaatar, Bit press Publ., 2015, 190 p. (In Mongolian).
15. Gongor D. *Hovdyn huraanguj tyyh* [Short History of Khobd]. Ulaanbaatar, Sojombo printing Publ., 2006, 197 p. (In Mongolian).
16. Darevskaja E. M. *Sibir' ba Mongol*. Ulaanbaatar, Munhijn usjeg Publ., 2011, 346 p. (In Mongolian).
17. Konsten H. *Cөвүүн цагийн jerchlejes dundah Mongol ornoor* [Mongolia in the Time of Troubles]. Ulaanbaatar, Munhijn usjeg Publ., 2018, 418 p. (In Mongolian).
18. Majskij I. M. *Huv'sgalyn өмнөх Mongol oron* [Mongolia on the Verge of revolution]. Ulaanbaatar, 2015, 293 p. (In Mongolian).
19. Mongol Ulsyn Arhivyn Ерөнхий газар (GATO). F. 3. Op. 11. D. 1127. (In Mongolian).
20. Nacagdorzh Sh. *Kratkaja istorija Halhi vo vremena man'chzhurskogo pravlenija (1691–1911)* [A Short History of Khalkhi during the Period of Mancgu Domination (1691–1911)]. Ulaanbaatar, Suhjebator Publ., 1963, 284 p. (In Mongolian).
21. Zhamsran L. (ed.). The Republic of Altai. 1992. Ak-Chechek. Oros dah' Mongol sudlal. Ulaanbaatar, Suhjebator Publ., 1995, 142 p. (In Mongolian).
22. *Ugsaatny zujn sudalgaany jeh hjerjegljedjehuu* [Original Data of Mongol Ethnographic Research]. Ulaanbaatar, Sojombo printing Publ., 2011, vol. 9, 345 p. (In Mongolian).

Информация об авторе

Мунхтуул Алтаншагай — аспирант Московского государственного педагогического университета.
Сфера научных интересов: история и этнография Монголии.

Information about the author

Munkhtuul Altanshagay — Postgraduate Student of Moscow Pedagogical University.
Research interests: history and ethnography of Mongolia.

Статья поступила в редакцию 07.10.2020; одобрена после рецензирования 10.11.2020; принята к публикации 15.12.2020.

The article was submitted 07.10.2020; approved after reviewing 10.11.2020; accepted for publication 15.12.2020.